Великий ученый имел в виду общность, а не тождество. Высота звука, интервалика, сила, акцент (ударение), темп, сочетание тонов позволяют слушателю понять, что хочет сказать музыкант. Для Ломоносова между музыкой и словом существовала не только внешняя, но и внутренняя связь. Но для того чтобы понимать музыку (как и другие искусства), необходимо знать законы, ею управляющие.

Самое звучание слов и отдельных гласных, по Ломоносову, имеет выразительное значение, особенно в пении:

Искусные певцы всегда в напевах тщатся,
Дабы на букве *А* всех доле остояться,
На *Е*, на *О* притом умеренность иметь,
Чрез *У* и через *И* с поспешностью лететь
Чтоб оным нежному была приятность слуху,
А сими не принесть несносной скуки уху
. . . . . .
В музыке что распев, то над словами сила,
Природа нас блюсти закон сеи научила [16]

Таким образом, мелодия (распев) сообщает слову особую энергию и силу. Мы знаем, какое внимание уделял Ломоносов эвфонии стиха. О выразительности музыки писал он в стихотворении, посвященном роговому оркестру.

Кажущееся мимолетным замечание в «Российской грамматике» свидетельствует о том, что каждое замечание и каждая ссылка в теоретических работах Ломоносова требуют историко-литературного комментария, без которого их смысл может остаться непроясненным для современного читателя. Ломоносовское обращение к сатирическому роману датского писателя открывает нам еще одну сферу интересов Ломоносова, о которой мы до сих пор почти ничего не знаем. Его полемика с Гольбергом предвосхищает некоторые положения, высказанные представителями музыкальной эстетики второй половины XVIII столетия.

---

[16] Ломоносов, Стихотворения, с. 234